
Владислав БАЧИНИН

АНТИ-НИЦШЕ: идея «смерти» Бога как продукт троллинг-стратегии

Статья вторая.
Философско-авантюрный метароман

Гибридный стиль интеллектуального гурмана

Ницше — это название совершенно особого типа дискурса. Он разительно не похож на стиль и строй рутинного, приземленного философствования тех, кто «заедены средой», не имеют ни собственной внутренней жизни, ни склонности к духовным исканиям, чья умственная жизнь слаба, протекает невнятно, не оставляя после себя значимых следов.

Еще больше отличий у Ницше-дискурса от философствования тех, чья мысль не стелется вдоль земли, а решительно рвет мирские пути, дерзновенно устремляется ввысь, ищет Бога и вдохновенно делится впечатлениями о своих исканиях и открытиях, неудачах и победах.

Мрачное своеобразие ницшевской философской мысли в том, что она — ни во что не верующая богоненавистница, презирующая людей мизантропка, авантюристка-преступница, активная соучастница коллективного богоубийства. Она предрасположена и к человекоубийствам: не убивая людей физически, она стремится превратить каждого, кто соприкоснулся с ней, в живой труп, в холодную биомашину с ампутированной верой, мертвой душой, вырванной с корнем совестью, разорванным сознанием и растленным умом. Ее влечет подземное царство, манит inferno, притягивают возможности погружений в тьму, в бездну демонического, в мир запредельного зла и предельного опыта, приобретаемого в результате подобных погружений.

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

Поздняя модерньность создала самые благоприятные условия для распространения именно этого типа философствования. Последние десятилетия XIX века, непосредственные кануны перед чудовищным XX столетием ввели человека европейской фаустовско-мефистофелевской цивилизации и человека евразийской, карамазовско-скотопригоньевской¹ цивилизации в совершенно особое дискурсивное пространство, готовящее мир к погружению в атмосферу «смерти» и «похорон» Бога. В центре этого немыслимого доселе, насквозь негативного дискурса возникла и стала у всех на глазах расти фигура философа, который дерзко и во всеуслышание заговорил об «убийстве» Бога как о состоявшемся событии и о необходимости принять его как должное. Более убежденного и красноречивого пропагандиста идеи «смерти» Бога, чем Фридрих Ницше, мир еще не слышал. Мыслитель настаивал на важности философско-этической легитимации новой картины культурного мира, новой модели человека, новой экзистенциальной парадигмы повседневного существования людей в условиях наступившей «смерти» Бога. Ницше усмотрел свое предназначение в сооружении философского саркофага для «умершего» Бога, вообразил себя его архитектором и строителем и направил на решение этой задачи все свои умственные силы, подчинил ей свой философский слог, избавленный от незамысловатых, плоских трюизмов позитивизма и материализма. Его язык по-змеиному гибок, софистически коварен, эстетически выверен и дьявольски обольстителен, подобно словесам искусителя сатаны, совратившего в Эдемском саду Еву.

В текстах Ницше не следует искать чистоты стиля. Он от нее избавился спустя некоторое время после «Рождения трагедии». Его главные книги производят впечатление, будто автор поместил в одну колбу тексты Экклезиаста, Платона, Марка Аврелия, Сенеки, Монтеня, Паскаля, Вольтера, Шопенгауэра, Лотреамона, Бодлера и еще с десятка философствующих литераторов и живописующих философов, затем энергично взболтал содержимое и вылил его на бумагу. Так появилась основа для его собственного, авторского гибридного стиля, похожая на выдавливаемую, словно из тюбика, пластичную словесную смесь из философского критицизма, фрагментарной биографической эссеистики, эпатажной памфлетности, скандальных нигилистических деклараций, демонстративного эстетизма и еще много другого. Здесь Ницше опередил Марселя Пруста, создав еще до него гибридно-динамичный стиль, который можно определить как *поток философского сознания*.

Одна из существенных особенностей этого специфического стиля в том, что он в наибольшей степени соответствовал тому духу аномии, той поэтике гуманитарного беззакония, внутри которого пульсировали жизненный и творческий миры философа, не стеснявшегося нарушать фундаментальные принципы отношения человека к Богу и людям. Мысль Ницше всегда и во всем движется против Бога, делает все наперекор Ему. В этом свойстве заключена ее злая и беспощадная сущность. Она беспощадна по отношению к Богу-Отцу и Богу-Сыну, к христианству и христианам. Она смертоносна для культуры, духовности, человечности. Всех, кто подпадает под ее обольщение, она заставляет желать Богу смерти и принимать как должное господство в жизни и культуре богоборческих начал.

Когда свою книгу «Рождения трагедии» Ницше начал с тезиса о «*мнимой жизнерадостности*» древних греков, то он тем самым нечаянно выдал одну из особенностей собственного жизненного мира и творческого стиля, которым также была присуща аналогичная мнимая жизнерадостность. Все внешние, эстетические, интеллектуальные, риторические и прочие фигуры ницшевского письма не способны скрыть от читателя

¹ Ф. М. Достоевский дал городку, в котором разворачивается главная криминальная интрига романа «Братья Карамазовы», чрезвычайно красноречивое, символичное, многозначительное и, как оказалось, многообещающее название Скотопригоньевска, смысл которого был скрыт от современников писателя, но обнажился во всем своем ужасе в XX веке.

устрашающую правду о том, что перед ним один из самых безрадостных, мрачных, злых и жестоких дискурсов, известных мировой философии.

Вместе с тем все это сочеталось в Ницше с особым интеллектуальным гурманством. Он был эстетом до мозга костей. Лишенный большей части тех обычных человеческих радостей, которыми утешаются и скрашивают свою жизнь большинство людей, он признавался, что его главные жизненные удовольствия — умственные. Собственный интеллект превратился для вынужденного затворника в поставщика высших наслаждений. Однако его поджидали очень неприятные, мягко говоря, сюрпризы. Под влиянием целого ряда патологических процессов психофизиологического свойства внутреннему «я» философа, его личности, душе, интеллекту довелось претерпеть жутковатые метаморфозы. Они оказались противоположностью того, что когда-то произошло с ярым гонителем христиан Савлом. Будущий апостол Павел пережил по пути в Дамаск сильнейшее внутреннее потрясение из-за того, что Господь Иисус Христос напрямую заговорил с ним, взял его под Свое покровительство и духовно преобразил. В итоге пережитого внутреннего потрясения перед окружающими предстал совершенно новый человек. Гонитель церкви Савл исчез, а явился тот, кого весь мир ныне знает как апостола Павла.

С Ницше так же произошло внутреннее преображение, но абсолютно противоположное по своей сути. Молодой человек, воспитанный в христианской среде, посещавший лютеранскую церковь, знавший Библию, превратился в яростного богоотрицателя. Перед ним разверзлась пропасть неверия, и он безбоязненно шагнул в новое для себя духовное состояние, где стали невозможны почитание Бога и служение Ему. Его рассудок погрузился в размышления, нацеленные на то, чтобы возвести непреодолимую стену между Богом и собственным «я». Он не понимал и не желал понимать, что, вступив на крайне опасный путь, взял на себя гораздо больше, чем человеку дозволено. И последствия совершившейся измены стали спустя время давать знать о себе. Обнаружилось, что великолепный интеллект философа, его главное богоборческое оружие, начал приходить в негодность и в конце концов полностью вышел из строя. Мыслитель, сознательно вступивший в зону демонического мрака и при этом горделиво считавший себя обладателем исключительной мудрости, обезумел, и не фигурально, а самым натуральным образом. Рассудок, злонамеренно отбросивший всякую память о Боге, ставший носителем слишком большого числа интеллектуальных грехов, впал в состояние буквального беспамятства. В конце концов об интеллектуальном гурманстве уже не могло быть и речи. Персональный ницшевский источник интеллектуальных удовольствий перестал существовать. Творение, вознамерившееся взирать на Творца свысока, горшок, возомнивший себя стоящим выше Горшечника, достигло суровое прижизненное воздаяние.

Бесовская метатекстура

Судьба Ницше — это реальный, созданный самой жизнью биографический гетаке русских «Записок из подполья». А его тексты, имеющие вид протяженного философского репортажа из глубин личного подполья, составляют нечто похожее на автобиографический роман о внутренней жизни немецкого парадоксалиста. Точнее, речь следует вести об интеллектуальном метанарративе, философском метаромане с пространной ауторефлексивной знаковой композицией. В нем не просто описываются сокровенные ландшафты внутреннего «я» автора, но воссоздается демоническая реальность его персонального андеграунда.

Ницше не интересуется высшей духовной *сверхреальностью* трансцендентного бытия Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Св. Духа. Даже в тех случаях, когда он вынужден

упоминать Лиц Св. Троицы, эта супрареальность выглядит совершенно чуждой его секулярному уму, и потому ее истинные смыслы остаются непроницаемы для него. Поэтому практически всё, что он говорит об этой сверхреальности, складывается в коллекцию ошибочных, лживых и просто бессмысленных высказываний.

Зато в сфере демонического рассудок Ницше чувствует себя как дома, ориентируется вполне успешно, судит обо всем со знанием дела и предлагает немало любопытных наблюдений касательно экзистенциальной топографии персонального мистического андеграунда. Из суммы этих наблюдений образуется впечатляющая фаустовско-мефистофелевская, поистине «бесовская текстура» (метатекстура) интеллектуала, знакомого себя одновременно и Фаустом, и Мефистофелем. Можно сказать, что Ницше увенчал сложившуюся во времена *modernity* фаустиану-мефистофелиану аутентичным философским метатекстом с соответствующей семантикой, аксиологией и деонтологией. Для этого должен был состояться переход внутреннего «я» Ницше под юрисдикцию демонического. И философ решился на эту экзистенциальную акцию.

Практически каждый человек христианской или постхристианской цивилизации носит в себе, помимо Фауста, еще и Мефистофеля. Но не каждый позволяет Мефистофелю хозяйничать в своем внутреннем мире, распоряжаться своими мотивами и действиями. Далеко не каждый решается на сделку с дьяволом и отдает ему свою душу. Ницше преодолел этот роковой рубикон. В ответ дьявол дал ему, его идеям невиданную власть над умами огромного числа людей. Но при этом заставил дорого заплатить за предоставленные преференции: вначале отнял разум, а затем забрал к себе в *inferno* его душу, так и не выказавшую ни малейших признаков покаяния.

Если «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5), то демоническое в его структурных и бесструктурных проявлениях есть тьма, и нет там никакого света. Ницше, погрузившийся в духовную тьму богоотрицания, последовал по пути доктора Фауста. Совершив фаустовскую сделку с дьяволом², согласившись пожизненно сотрудничать с ним, он превратился в стопроцентного *фаустовско-мефистофелевского человека*, готового участвовать в масштабных проектах по целенаправленной дехристианизации всего сущего и должного, по фаустизации культуры и мефистофелизации цивилизации.

В награду за состоявшийся сговор Ницше получает поддержку со стороны духов тьмы. Происходит превращение демонов подполья из противников в союзников, помогающих Ницше распространять *злую весть («дисангелие»)* о «смерти» Бога и осуществлять диффамацию Лиц Св. Троицы, христианства и христиан.

Философский мир Ницше обретает вид собрания девиантологических опытов, демонстрирующих разнообразие форм, методов и способов философского троллинга. Считаемые со времен еще греческих софистов и киников (циников) недопустимыми в приличных интеллектуальных сообществах, троллинг-фигуры вполне комфортно устроились в ницшевских текстах. В результате переизбыток этих дискурсивных девиаций производит впечатление, будто их автор — несчастная жертва страстей собственного превратного ума, поврежденного до степени утраты всякой способности к добру, но крайне изобретательного на зло. Перед читателем предстает предельная степень качеств духовно-социального типа, описанного апостолом Павлом в Послании к Римлянам, — человека, исполненного всякой неправды, склонного к злоречию и распрям, ведущего себя как клеветник, обидчик, самохвал, гордец, постоянно заменяющий истину ложью, кичащийся своей «мудростью», но на самом деле безумствующий (Рим. 1, 21–32).

Ницше успешно осваивает роль бунтующего человека андеграунда, выступает как герой философского мятежа, субъект личного гуманитарного беззакония. Он прояв-

² В романе Томаса Манна «Доктор Фаустус», являющемся, по сути, духовной биографией Ницше, данная коллизия изображена при помощи художественных средств самым подробным образом.

ляет себя как чрезвычайно умный и крайне беспринципный тролль, считающий, что его перу и философствующему рассудку все позволено, в том числе самые фантастические выходки, самые скандальные заявления, самые невероятные формы имморальных «заголений и обнажений».

Созданная им автобиографическая метатекстура обладает не просто достаточным, но избыточным числом признаков, позволяющих рассматривать ее как внушительную антропо-демоническую структуру. В ее центре находится человеческое существо с ампутированным духом. У него есть всё: душа, рассудок, воображение, чувства, эмоции, инстинкты, рефлексy, подполье, но дух, чье предназначение в том, чтобы связывать личность с Богом, отсутствует. После того как Ницше изгнал Бога из своей жизни, духовный мост, соединявший его с Творцом, обрушился. Примерно так же, как Майн Рид дал одному из своих приключенческих романов название «Всадник без головы», так и интеллектуально-авантюрный метароман Ницше можно было бы назвать «Философ без духа» или что-то в этом роде.

И все же в экзистенциальном отношении философская проза Ницше весьма информативна. Она насыщена богатейшими материалами о жизни ума и души, существующих в условиях принятой всерьез «смерти» Бога. В авторском изложении нет систематичности, поскольку его ум бродит там, где нет света, и вынужден постоянно наткаться на разбросанные по подполью демонические структуры, которые на христианском языке называются греховными помыслами и страстями. При этом он пытается себя убедить, что пребывает не в inferнальном каземате, а на просторе, в условиях полной свободы мыслей и чувств. Но это самообман, поскольку впереди, за маревом маниакально-навязчивых иллюзий о своем безграничном интеллектуальном суверенитете его поджидали крайне неприятные сюрпризы — все более усугубляющаяся беспросветность экзистенциального тупика, полное безумие и сравнительно ранняя смерть с ее провалом и реальный inferno.

Метафизическая авантюра ума

Существует немало примеров того, как под авторским пером роман превращался в трактат. Но чтобы философский нарратив, пусть даже не слишком канонический, принял вид метаромана, подобное случается нечасто. У Ницше этот метароман состоялся. В нем описывается протяженная, длиной в целую жизнь экзистенциальная одиссея, точнее, метафизическая авантюра ума, поступившего на службу к князю тьмы и отправившегося по его наущению в странствие по территориям запредельного личного опыта. Авантюра удалась и снискала автору экстраординарный успех. Нашлось очень много людей, согласившихся пить этот обольстительный обман демонизированного ума, внушавшего читателям, будто Бог «мертв» и отныне все позволено. Бесчисленное множество, казалось бы, здравомыслящих и достаточно образованных людей оказались беззащитны перед чарами интеллектуального авантюриста и его развратительными идеями. Чтобы понять, почему так случилось, следует заглянуть по ту сторону философии Ницше, в область того языка, посредством которого создавался его метароман.

Ницше продемонстрировал просвещенному миру, к чему приводит полный отказ интеллектуалов от классического языка христианской духовной, умственной жизни и чем оборачивается его подмена сугубо секулярной лексикой. У вещей, свойств, состояний, отношений, явлений, процессов отнимаются их истинные названия и присваиваются секулярные псевдонимы, сквозь которые их глубинные сущности уже не просвечивают. Из этих псевдонимов конструируется совершенно новая интеллектуальная субреальность, имеющая вид пространной текстовой конструкции из подмененных

смыслов и ценностей. Ницше в этом отношении — непревзойденный мастер, интеллектуал-авантюрист, гений коварных подстановок, создавший свою философскую галактику с поддельными смыслами, ценностями и нормами, которые лишь симулируют позитивную культурную значимость, но на самом деле обладают значимостью негативной.

Особенности метароманной рефлексии Ницше поясняют метафоры зеркал и матрешек. Эта рефлексия зеркальна; намеренно сдвоенная автобиографичность складывается из интригующих рассказов ума о самом себе, ткущего «мысли о мыслях». Когда к этим зеркалам приближаются читатели-интерпретаторы, то зеркальность мультиплицируется и возникает многомерный, зыбкий, колеблющийся метафизический ансамбль из множества зеркал с отображениями сходных, но нетождественных смысловых конфигураций и их истолковательных интерференций.

Можно так же сказать, что входящий в соприкосновение с миром Ницше оказывается как будто перед рядом выстроившихся по ранжиру матрешек из одного комплекта. Самая маленькая из них — это роман (история) жизни и смерти профессора Фридриха Вильгельма Ницше, родившегося в 1844 году и умершего в 1890 году. Эта история легко упаковывается внутрь следующей матрешки — интеллектуального автобиографического текста, сочиненного философом Ницше, рассказывающего о той метафизической аванюре, в которую пустился ум автора в его первой книге и которая завершилась для него вместе с его последней книгой. Вторая матрешка находит свое место в третьей, то есть в большом метатексте библейско-христианского интеллектуального опыта, к которому дискурс Ницше принадлежит в качестве одной из наиболее радикальных девиаций.

Философский метароман Ницше — потому и метароман, что не тождествен себе, несет содержимое, прорывающееся за его знаковые границы и заставляющее говорить уже не столько о конкретном Фридрихе Ницше, сколько об *архетипе* того самого безумца, который сказал в сердце своем: «нет Бога» (Пс. 52,2), о *типе* фаустовского человека, умудряющегося существовать без духа и даже философствовать, кичась своей экзистенциальной инвалидностью.

Существует множество рассуждений о том, что Ницше поставил крест на метафизике и прекрасно обходился без нее. Но изгнав метафизику в дверь, он впустил ее в окно. Его интеллектуальный метароман оказался метафизичен от начала до конца, предстал в виде метатекстуры. Генетическое сродство метаромана с метафизикой, отсылающее нас к семантике названия аристотелевского трактата «Метафизика», предполагает, что конкретный текст (в данном случае это все написанное Ницше) существует не сам по себе, а с самого начала встроен в беспредельную контекстовую реальность, которую невозможно ясно очертить графически отчетливой линией, которая постоянно изменяет свою конфигурацию, держит свои границы открытыми и впускает внутрь себя новые смыслы с обновляющимися истолкованиями.

Ницше — наглядный парадокс того, как его антихристианский метароман, пребывающий внутри большого библейско-христианского метанарратива, теряет весь свой смысл за его пределами. В конфуцианских, индуистских, буддийских метатекстурах для Ницше нет места. Он там абсолютно чужой и не может рассчитывать на аутентичное прочтение и понимание. Внутри же библейско-христианского метатекста он существует, подобно мертвой скале в живой воде океана, являясь одновременно и чужим, и своим.

Несмотря на то, что аристотелевская метафизика (философия) в содержательном отношении далеко отстоит от его физики (раздела естествознания), родство между ними сохраняется. Несмотря на то, что Ницше — это богоборец-антихристианин, избавиться от родственных связей с христианством не в его силах. И в этом он похож на

блудного сына, покинувшего отчий дом, не желающего в него возвращаться, но при этом не переставшего быть сыном своего отца.

Метароман, излагающий авантюру затянувшихся блужданий, описывающий ответственную жизнь богоборца, — это многотомный рассказ о разрывах с покинутой вселенной Бога, о фантомных болях, не дающих забыть о полученных травмах. Автор тклет свою словесную паутину из нескончаемых рефлексивных нитей, связывая обезбоженную реальностью с собственным «я». Он не может и не хочет остановиться, потому что ничего другого у него нет, потому что, провозгласив «смерть» Бога, он очутился в замкнутом кругу, в экзистенциальной западне. Призвание философского паука — ткать нескончаемую философскую паутину и улавливать в нее тех, кто имел неосторожность слишком робко и заискивающе прикоснуться к ней. Их духовный удел незавиден, поскольку к ним Ницше беспощаден и не позволяет вырваться из плена своего обольстительного дурмана.

Троллинг-философствование молотом

Один из секретов нашего философствующего обольстителя заключен в инструментальной части его мастерской, в том рабочем методе, которым он пользовался. В его времена этот инструмент еще не был проименован должным образом. Аутентичная маркировка появилась у него в наше время, на рубеже тысячелетий, с распространением такой девиантной формы интернет-коммуникации, как троллинг³.

Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что истинная стихия ницшевской текстуры — это именно *философский троллинг*, то есть «нечистая», вредоносная, агрессивная стратегия интеллектуальной коммуникации, использующая деструктивные идеи, провокационные выпады, клеветнические домыслы, эпатажно-скандальные высказывания, деформирующая реальность, разрушающая культурные смыслы, обесценивающая абсолютные ценности, разжигающая агрессивные умонастроения, создающая конфликтогенную и одновременно аномийную среду гуманитарной войны всех против всех. То есть речь идет о методе философствования, для обозначения которого подходит выражение самого Ницше — «философствование молотом». Предназначенное для характеристик других, оно оказалось более всего приложимо к самому Ницше.

Разумеется, сам по себе троллинг — совсем не новая коммуникативная модель и не дитя эпохи интернет-революции. Он стар как мир. Уже дьявол, проникший в Эдем, использовал его как инструмент дезориентации Евы, как средство введения ее в заблуждение и провоцирования на крайне опрометчивые действия. Его троллинговая спецоперация оказалась, увы, успешной, так что по сей день последствия ее разрушительного эффекта ощущают на себе все без исключения потомки прародителей.

Первыми поколениями знаменитых мастеров философского троллинга прославилась Древняя Греция. Две самые скандальные философские школы, киников-циников и софистов, внесли немалый вклад не столько в интеллектуальный взлет, сколько в духовное угасание греческой цивилизации. Ницше, их прямой духовный наследник, виртуозно владевший арсеналом средств философского троллинга и широко применявший их, тоже весьма успешно содействовал духовному «закату Европы».

³ На деструктивную и одновременно демоническую природу троллинга указывает одно из толкований семантической фактуры данного понятия, производного от названия творящих зло демонических существ скандинавской мифологии — троллей. Другое толкование восходит к слову trolling, означающему ловлю рыбы на движущуюся блесну-приманку, то есть подразумевается коварство троллей, использующих против оппонентов изощренные и одновременно жестокие способы введения в заблуждение.

Троллинг не был для Ницше игрой. Он троллил оппонентов не с хитрой, спрятанной в усах усмешкой, а с чрезвычайной серьезностью, словно исполняя свой долг на службе у некоего важного и строгого начальства. Последнее же располагалось отнюдь не на небесах. Лишь христианским проповедникам, апологетам, богословам свойственно рассматривать свои труды как служение Царю Небесному. Но для Ницше Бог был «мертв», а служить людям он не считал нужным, поскольку скорее презирал их, чем уважал. В результате во всем мироздании для него остался только один авторитет и господин — дьявол. И Ницше, подобно доктору Фаустусу, заключил с ним договор, присягнув на верность и поступил на службу в качестве философствующего тролля. Дьявол в свою очередь не остался в долгу, снабдил философа всем необходимым для эффективной службы и убрал с его пути все банальные, «слишком человеческие» помехи вроде семьи, детей, работы ради куска хлеба, а также крадущих время женщин, приятелей и коллег. Целиком сосредоточившись на темной миссии тролля-деструктора, Ницше сумел учинить уникальную по своему яростному накалу троллинг-атаку на христианство, на его учение, онтологию миропорядка, аксиологию истории, этику общения.

Ницшевская антихристианская риторика, сопровождавшаяся беспощадно жестокими, зубодробительными ударами сатанинской силы, была почти неотразима. Мало кому удавалось удачно парировать бешеные выпады умного, ловкого и бесстрашного тролля. Никто не умел с таким литературным блеском и одновременно с такой оскорбительной безжалостностью обрушивать на христиан лавины злобной клеветы. Он мог разыграть сценку растроганного восхищения каким-нибудь давним сюжетом из христианской истории, а затем, чуть ли не на той же самой странице, мгновенно перепрыгнуть в иное состояние своей психики и своего ума и разразиться шквалом оскорблений, направленных по тому же самому адресу. Пиетет и ненависть были для него данностями, двери в которые всегда оставались открыты, и он легко входил то в одни, то в другие, подчиняя свою троллинг-стратегию только капризам собственного разорванного сознания и болезненно неуравновешенной натуры.

«Развратительные идеи»

Ницше, как и подобает убежденному нигилисту, совмещал в себе психологию террориста с психологией самоубийцы. Осуществляя свой троллинг-террор, он был абсолютно безжалостен к своим жертвам, к которым причислил прежде всего Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Св. Духа, христианство и христиан. При этом он одновременно выказывал крайне прохладное отношение к собственной духовной судьбе. Безверие анестезировало его духовные рецепторы, и потому перспектива собственной гибели в inferno его не страшила. В этом состоял весь секрет его безумной богоборческой дерзости. Хотя, в сущности, данное обстоятельство не отменяет вопросов такого, например, рода: зачем ему требовалось тратить так много умственной и душевной энергии на войну с христианами, если он был уверен в том, что их Бог уже канул в небытие, а сами они обречены на вымирание?

Если вопросы такого рода и посещали Ницше, то он игнорировал их весьма своеобразным способом. Не слишком громогласно, но вполне внятно он давал понять, что отныне ему предоставлено исключительное право служить орудием возмездия, исполнять функции плетки, бича и на свой лад творить суд над ключевыми смыслами, ценностями и нормами почти двухтысячелетней истории христианского мира и над их носителями. Похоже, что этот философствующий Мальбрук, собираясь в свой очередной военный поход, вполне мог каждый раз говорить себе: «Идешь к христианам, не

забудь плетку!», имея при этом в виду интеллектуальную «плетку» в виде метода беспощадного троллинга.

Выражение «переоценка ценностей», которым пользовался Ницше и которому он пытался придать концептуальный статус, в действительности являлось не более чем формулой-ширмой, маскировавшей деструктивную стратегию по ниспровержению всего того, что принесло с собой христианство: высоких идеалов, классических смыслов, универсалий добра, истины, справедливости и еще многого другого. Превратив идею переоценки ценностей в программу своих действий, Ницше сделал орудием ее реализации метод троллинга.

Строго говоря, этот метод не носил по-настоящему философского характера, поскольку не был сосредоточен на продвижении к истине и на ее отстаивании. Его цели не только выходили далеко за пределы сугубо теоретического поля, но даже не вписывались в нормативно-ценностные рамки таких общепринятых ученых добродетелей, как научная честность, порядочность, скромность, профессиональная ответственность. Постоянно пользуясь троллинг-приемами смысловых и ценностных подстановок, Ницше ловко подменял интеллектуальную честность ученого каким-то удивительным бесстыдством, шокирующим нормального, цивилизованного читателя, еще не развращенного умственным распутством предтеч будущих постмодернистов. Он в своих текстах как будто задался целью откликнуться на призыв одного из героев новеллы Ф. Достоевского «Бобок», бросившего клич: «Заголимся и обнажимся!» То был не буквальный призыв, а метафорическое приглашение рассказывать о себе без стеснений самую гадкую и постыдную правду, ничего не стесняясь, выплескивая на окружающих нечистоты своей внутренней жизни, делясь воспоминаниями о самых грязных эпизодах своей внешней биографии. Делать это предлагалось не ради того, чтобы очиститься от скверны, как в христианских исповедях, но из-за сумасбродного желания испытать темное удовольствие от вседозволенности, пренебрегающей элементарными этическими ограничениями. Чтобы не испытывать при этом чувств стыда и угрызений совести, оказалось достаточным объявить общепринятые нравственно-этические нормы устаревшими предрассудками, обветшавшими «гнилыми веревками», которые неприлично иметь при себе умному, образованному, широко смотрящему на вещи человеку. Не знаю, читал ли Ницше новеллу «Бобок», но основные приемы этой стратегии явно присутствуют в его троллинг-проекте «переоценки ценностей». Все, что его не устраивало в культуре и морали, было приравнено к ветхому хламу, к «гнилым веревкам», подлежащим утилизации.

Интеллектуальное воображение Ницше преобразовало в подобие таких «гнилых веревок» все, что привнесли в культуру мышления девятнадцать веков христианства. Ценнейший духовно-интеллектуальный опыт многих поколений замечательных мыслителей прошлого, без которых не смогла бы появиться и новейшая философия модерности, включая Ницше, был объявлен собранием предрассудков, наивных иллюзий и ложных домыслов, которые необходимо вывести из мирового умственного оборота.

Ницшевский дискурс противопоставил этому опыту собственную стратегию погружения постхристианского сознания в мифоязыческую архаику, откуда оставалось совсем небольшое расстояние до будущей демонстрации читателям безумных звуко-сочетаний, наподобие знаменитых «дыр-бул-щур», похожих на устрашающее первобытное рычание фантастического белокурого зверя. И это вполне соответствовало той цели, к которой продвигался Ницше, не просто исследовавший гуманитарную аномию в ее ранних формах, но и предпринимавший недюжинные усилия по ее дальнейшему распространению.

Когда сегодня приходится слушать завзятых ницшепоклонников, рассуждающих о необычайной интеллектуальной отваге и высоком нравственном мужестве своего

кумира-ниспровергателя, для которого в самом буквальном смысле не было ничего святого, то так и хочется указать им на «Бобок», чтобы прочли, поразмыслили и выжирали, кто им ближе, — те, кто охотно «заголяются», «обнажаются», легко воспаряют над стыдом и совестью, или же те, кто стараются уберечь свой здравый смысл и чувство собственного достоинства от интервенций тех идей, которые Достоевский называл «развратительными». К дискурсу Ницше это определение подходит как нельзя лучше. Он их впитывал из окружающей его среды, из духа времени, которым дышал, затем регенерировал, придавал им философскую оформленность и транслировал. Но поскольку их неприятное, а во многих случаях и просто отвратительное содержание могло препятствовать их широкому распространению, то для обольщения ими публики был совершенно необходим метод троллинга.

Роль тролля предъявляла к Ницше требования, среди которых на первом месте была особого рода беспринципность, похожая не на ухватки жульничающего шулера, а на дьявольскую изворотливость эдемского змия, который говорил Еве: «Нет, не умрешь», а она, послушав его, утратила бессмертие. Сатана заявил, что люди будут как боги, но они, напротив, потеряли богоподобие. Когда же позднее архивраг попытался троллить Иисуса Христа, пребывавшего сорок дней в пустыне, то все его усилия оказались безуспешны.

Ницше, служа именно этому змию-искусителю, троллил христиан «не корысти ради», а из «идейных соображений», чтобы разрушить в них веру, оторвать от Бога, превратить в подобие уже нарисованных им карикатур, изображавших жалких, немощных существ. Ему очень хотелось сделать христиан беззащитными перед происками дьявольских сил, неспособными отражать атаки демонических стихий. Этой цели он фактически посвятил всю свою жизнь и все свои труды. Ради нее он превратил антихристианский троллинг чуть ли не в личный экзистенциал, в главный смысл всей своей деятельности. Преданность этому занятию была в его глазах столь велика и всепоглощающа, что Ницше готов был заявить: «Троллю, следовательно, существую». И это не преувеличение, поскольку практически все тексты, написанные им после того, как он оставил кафедру Базельского университета, удалился в самоизоляцию и погрузился в болезнь, сочинялись уже в значительной части с использованием метода философского троллинга.

Этот метод не требовал той сосредоточенности, которая важна при упорном поиске истины, при долговременных напряжениях рефлексивного мышления. Его начавший расстраиваться рассудок уже не был нацелен на то, чтобы выстраивать сложные, многоуровневые концептуальные конструкции. Отныне практически каждый его текст выглядит как череда ярких вспышек интеллектуально-художественного воображения, как конstellации из философских набросков и зарисовок. Медленно приближавшееся безумие до поры до времени не препятствовало подобному творчеству.

Подмена в идее «смерти» Бога

В дискурсе Ницше важное место заняла тактика подмен. Это поистине фаустовско-мефистофельское средство великолепно описано у Гёте в сцене, где Фауст берется переводить Евангелие от Иоанна:

Мы неземное учимся ценить
и в откровенье ждем себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам Новый говорит.

Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «В начале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу смело,
Могу писать: «В начале было Дело!»

Здесь Фауст игнорирует то обстоятельство, что евангельское «Слово» (греч. Логос) обозначает Сына Божьего в Его божественной природе. Он пытается подменить упоминание о Господе обычным понятием. Перебирая приходящие ему на ум слова, являющиеся простыми структурными единицами естественного языка, он буквально вычеркивает Бога из Евангелия. Примечательно, что во время этой сцены в кабинете Фауста уже присутствует демон Мефистофель, проникший туда в виде черного пуделя.

У Ницше, как и у Фауста, отношение к вопросам духовно-нравственной дисциплины мышления было очень сложным. Поначалу, в раннем тексте «Рождения трагедии», эта дисциплина была в должном состоянии. Но затем она стала слабеть, отодвигаться на задний план все дальше и дальше, пока не пришла в состояние катастрофического упадка. Интеллектуальную честность подменило иное свойство, временами напоминающее полную умственную вседозволенность, и не перешло в какое-то сумасшедшее бесстыдство.

Механика подмен работает к Ницше и в рассуждениях о «смерти» Бога. Он затратил немало сил, чтобы доказать, будто причина этой «смерти» — не секуляризация, а христианство. Его ничуть не смущало то обстоятельство, что подобная подстановка нарушала все нормы логического мышления и простейшие требования здравого смысла.

Заявив об «убийстве» Бога, Ницше повел себя как первооткрыватель, прикоснувшийся не к крупнейшему преступлению «выскочившего из мерки» человеческого ума, не к величайшему позору человеческого рода, но к замечательнейшей из истин, когда-либо открывавшихся людям. Глобальное духовное бедствие, сопровождавшееся миллионами индивидуальных экзистенциальных катастрофа, обрело в глазах дерзкого и гордого фаустовского человека вид триумфа.

При этом Ницше пытался объяснить и доказать, что «богоубийство» может казаться катастрофой только маленьким, слабым, излишне доверчивым человечкам, опутанным предрассудками, не склонным к самостоятельным размышлениям, приученным существовать на коротком Божьем поводке и не знающим вкуса полной свободы.

В представлениях же таких, как он, микролюциферов с авантюрным складом ума «ликвидация» Бога означала распахнутость дверей в пространство не виданной дотоле свободы от всех былых ограничений и запретов.

Когда ницшеведы пишут о будто бы присущем Ницше антидогматизме⁴, то невольно возникает предположение о том, что они подшучивают над читателем. Более страстного и убежденного догматика, чем Ницше, трудно отыскать. Он сотворил себе собственный догмат из принципов богоборческого нигилизма, теоморта и демонодицеи и был готов скорее погибнуть, чем поступиться хоть малой толикой убежденности в своей правоте. Переубедить его никому не удавалось, поскольку он никого не слушал и был уверен в абсолютной истинности собственной позиции. Это просвечивает во всех речах ницшевского Заратустры, который только кажется легким и гибким, но в действительности тверд и неподатлив, как черный обсидиан. Краеугольным же камнем подобной неподатливости служит абсурдная оксюморонная идея «смерти» живого Бога, принявшая у Ницше вид его личной абсолютной догмы.

Когда философ высказывался о том, что убеждения людей обычно похожи на темницы для их умов, то он вряд ли предполагал, что эта метафора имеет вид бумеранга и может нанести удар ему самому. Именно сочиненная его единомышленниками и тут же закаменевшая мысль о якобы умершем Боге стала настоящей тюрьмой и для Ницше, и для умов миллионов, а затем и миллиардов атеистов по всей планете, которые до сих пор не хотят понимать, что ГУЛАГом, холокостом, Хиросимой и прочими проявлениями глобального аутогеноцида они обязаны в первую очередь своим философским и политическим лидерам, которые сразу же после провозглашения ими идеи «смерти» Бога превратились в антропофагов и ввергли XX век в невиданную по своим масштабам темницу духовности, культуры и нравственности.

Ницше, ставший пропагандистом «злой вести», совершил самую тяжелую в своей жизни, поистине роковую ошибку. Вынашиваемый им образ свободы без Бога означал всего лишь убийственную иллюзию: на всех, кто имел неосторожность доверять ницшевским доводам, легла печать не благословения, в проклятия. Первыми отмеченными ею оказались люди с очень незначительным запасом духовных сил, со слабым духовным здоровьем. Идея «смерти» Бога оказала на их личности столь сильное травмирующее воздействие, что они стали массово духовно гибнуть от нанесенных их умам и душам экзистенциальных разрывов.

Людей творческого склада эта идея парализовала с такой неотвратимой силой, как будто через Ницше их настигло прозвучавшее во всеулышание заклятие злого духа. В результате у них стало тускнеть творческое воображение, начала угасать созидательная сила мысли. Они захлебнулись пустотой богооставленности и стали превращаться в подобия безликих, аморфных, ни на что не годных «живых трупов», в карикатуры интеллектуалов и художников, с которыми демоны государственности могли делать все что угодно, не встречая с их стороны ни малейшего духовного сопротивления.

Страшнее всех оказалась судьба тех, кто принадлежал к третьему разряду жертв, попавших под проклятие. Они восприняли злую весть о «смерти» Бога с воодушевлением, поскольку почувствовали, что она развязала им руки. Поняв, что ни о каком завете с уже «умершим» Богом не может быть и речи, они незамедлительно принялись заключать личные сделки с дьявольскими силами. Движимые сознанием своей безнаказанности, они принялись во всю орудовать тем, чем их вооружил дьявол, — сознанием агрессивной и жестокой вседозволенности, занявшей внутри них место свободы.

⁴ Кауфман В. Ницше: философ, психолог, антихристианин. СПб.: Владимир Даль, 2016. С. 154.